

ПОЭТИКА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЕН В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» (ГРИБОЕДОВ И ПУШКИН)

Поэтика «говорящих» имен, как известно, не была изобретением Грибоедова и Пушкина. В классицистической литературе XVIII в.— и европейской, и русской, «говорящие» имена персонажей — частое явление, не забытое и писателями XIX и даже XX столетия. И все же, пожалуй, комедия Грибоедова «Горе от ума» была по-своему блестящей демонстрацией казалось бы уже устаревшего литературного приема. Не исключено, что именно грибоедовская комедия, с которой Пушкин познакомился в Михайловском в январе 1825 г. по привезенному И. И. Пушиным списку, подала мысль автору «Евгения Онегина» ввести в свой роман персонажей с «говорящими» именами. Если же априорно полагать, что великое литературное произведение строится не на случайных приемах, а на осмысленных автором художественных системах, представляя собой некую систему систем, то и в частном случае с «говорящими» именами можно увидеть общую закономерность. Речь пойдет о гостях, которые приезжают на именины Татьяны в пятой главе «Евгения Онегина». Но прежде еще несколько предварительных замечаний.

Пушкин подчеркнул и традиционность приема, и жизненность воплощенных с помощью этого приема типажей русской жизни, пригласив к Лариным литературных героев из сатирической драматургии, поэзии, прозы XVIII — начала XIX в.: «Скотининых чета седая» — из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», Гвоздин, в котором угадывается Гвоздилин — из комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир», «Буянов, братец мой задорный» — из поэмы дядюшки В.Л. Пушкина «Опасный сосед», Пустяков — из его же стихотворения «К камину» или же по наблюдению В.И. Турбина¹ из «Рассказов Лужницкого старца», напечатанных в «Благонамеренном» в 1820 г. Кроме уездного франтика Петушкова, значение имени которого достаточно прозрачно, на бал к Лариным пожаловали месье

¹ Турбин В.И. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М., 1978.

Трике (что значит по французски — битый палкой), Панфил Харликов и отставной советник Флянов. Возможно, и у них есть свои пока неизвестные нам литературные прототипы. Но так или иначе значение имен Харликова и Флянова до сих пор не было раскрыто, их сатирический смысл не был выявлен. Попытка сделать это, тем самым дополнив комментарий к «Евгению Онегину», и явилась задачей нашего скромного сообщения.

В «Толковом словаре» В. Даля так определяется слово «харлить»: «жилить, оттягивать неправдой чужое». «Харленное впрок не пойдет». Харликов — жила, отнимающий неправдой чужое добро, органично вписывается в групповой портрет провинциальных помещиков — Скотининых, Гвоздиных, Пустяковых, Буяновых, Петушковых. Забавно, что Пушкин дал Харликову греческое имя Панфил, означающее «всеми любимый», «всем милый». Он пожаловал к Лариным с женой, детьми и с гувернером детей — месье Трике. И хотя он всеми любимый, всем милый, его старшая дочь (опять же по воле Пушкина) никем не любима и никому не мила. Когда начались танцы, «Харликову, / Невесту переспелых лет, / Берет тамбовский мой поэт... », то есть месье Трике, гувернер в семье Харликовых, приглашает танцевать дочь своего хозяина видимо из-за невнимания к ней других кавалеров.

С помощью «Толкового словаря» В. Даля «говорящая» фамилия Флянова не поддается определению. В данном случае Пушкин, как и Грибоедов, использует выразительные возможности не только русского, но и французского языка. Фамилия Флянов созвучна французскому слову *flaquer*, означающему «слоняться, бродить, бездельничать» (производное от *flaпе* — прогулка). «Тяжелый сплетник, старый плут, / Обжора, взяточник и шут», отставной советник Флянов оказывается еще и бездельником.

«Говорящие» имена пушкинских персонажей создают в пятой главе «Евгения Онегина» сатирическую картину нравов провинциального дворянства: перед читателями как перед зрителями на театральной сцене появляются оскотинившиеся помещики, буяны, петушащиеся франтики, пустяковые личности, бездельники, всеми любимые охотники до чужого добра, земле- и душэвладельцы, пригвоздившие своих мужиков в вечной нищете.

В последующих главах «Евгения Онегина» — в шестой главе — появляется Зарецкий, фамилия которого созвучна Грибоедовскому Загорецкому, и мосье Гильо, фамилия которого соотносится с грибоедовским Гильоме; в восьмой главе — Проласов, напоминающий Пролаза из стихотворения И.И. Дмитриева «Модная жена». В седьмой же главе, один из эпиграфов к которой из «Горя от ума», при отмеченной уже современниками ориентации в описании московского общества на грибоедовскую комедию, Пушкин отказывается от «говорящих» имен персонажей, как и в восьмой главе, где представлен большой свет Петербурга. Грибоедовская Москва — не вся Москва в «Евгении Онегине». Московское общество, как и петербургский свет, в пушкинском романе изображено не только сатирически. В седьмой главе эпиграф из Грибоедова — спор Софьи с Чацким о Москве — включен Пушкиным в своеобразный диалог эпиграфов из И.И. Дмитриева и Баратынского. В тексте московской главы — игра точек зрения, где присутствует прежде всего взгляд Пушкина на Москву и москвичей, и здесь дает о себе знать не только пушкинская ирония, но и его любовь и восхищение родным городом. Поэтика «говорящих имен» в седьмой главе оказалась невостребованной. Пушкин уже «отыграл» ее изобразительные и выразительные возможности в пятой главе, написанной во многом под впечатлением «Горе от ума»: не случайно во сне Татьяны — мотивы и образы сна Софьи, бал у Лариных соотносится с вечером у Фамусовых. Наделив, возможно, также не без влияния Грибоедова гостей Лариных, как теперь выяснилось — всех без исключения, «говорящими» именами, автор «Евгения Онегина», одаренный безупречным чувством художественной меры, затем отказался от возможных повторов, тем более в московской главе, где, казалось бы, сама тема грибоедовской Москвы провоцировала его продолжить разработку этого литературного приема.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХМЕЛИТА»

ГРИБОЕДОВ И ПУШКИН

ХМЕЛИТСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 2

Смоленск
СГПУ, 2000